

К истории филателии в СССР. Обзор тем и исследовательских контекстов

Константин Богданов

При многочисленности уже имеющихся монографий, статей, заметок, мемуаров и документов, относящихся к истории филателии, она остается открытой к ее всестороннему изучению. Это обстоятельство имеет свое объяснение: история филателистического коллекционирования, как в целом, так и в своих частностях ставит перед исследователем проблемы, решение которых связано не только с огромным разнообразием фактического и источниковедческого материала, но также с вопросами собственно аналитического и методологического характера. Что считать историей филателии вообще? Является ли такая история историей реформ курьерской связи и почтового обращения? Или это история самих марок, а значит и изображений на них, то есть также история институциональных, художественных, технологических и других факторов, которые сопутствовали их появлению? Или это история людей, занятых коллекционированием знаков почтовой оплаты? Насколько все эти аспекты важны в их взаимосвязи, что в этих случаях считать методологически определяющим — историю почтовой службы и ее администрирования, идеологию и политику, культуру или, может быть, психологию и экономику, призванные объяснить почему марки наделяются не только утилитарной, но также символической, эмоциональной и финансовой ценностью, намного превосходящей их номинальную стоимость?¹ Задача настоящей работы — проакцентировать некоторые из таких вопросов на примере истории СССР. Обзор тем и контекстов советской филателии диктуется в данном случае хронологией, но — в качестве общей методологической рамки — фокусируется на социально-психологических и культурно-антропологических обстоятельствах общественного интереса к маркам в исторических

---

1 См., напр.: L. N. Williams, M. Williams, *The Postage Stamp: Its History and Recognition* (Hamondsworth: Penguin Books, 1956); C. Brühl, *Geschichte der Philatelie*. Bde. 1–2 (Hildesheim: Georg Olms, 1985–1986); W. Maassen, V. Schouberechts, *Les Jalons de la littérature philatélique XIX-e siècle: Milestones of the Philatelic Literature of the 19th Century* (Monaco: Le Musée des Timbres et des Monnaies de Monaco, 2013); C. Searle, *100 Years of the Philatelic Congress of Great Britain 1909–2009* (Association of British Philatelic Societies, 2009); N. Gomm, *The Postmark and Postal History Society of Southern Africa Incorporating the Colonial Society: A Historical Overview 1969 to 2000* (Pretoria: The Postmark and Postal History Society of Southern Africa, 2002). А также статьи в ежегодниках Европейской Академии Филателии «Opus», особенно: *Opus 6.* / Ed. Jean-Pierre Magne. Académie Européenne de Philatélie, 2006, *Opus 5.* / Ed. Jean-Pierre Magne. 2005; *Opus 3.* / Ed. Fabien Barnier. 2003; *Opus 2.* / Ed. G. Dutau, J. Storch, 2002.

условиях, которые такому интересу, по первому впечатлению, не сильно способствовали.

ПРЕДЫСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ ФИЛАТЕЛИИ

Мировая история коллекционирования марок современна истории их появления в Великобритании (1840 год): знаки почтовой оплаты воспринимаются как важное социальное нововведение, не только облегчившее работу курьерских служб связи, но и сразу приобретшее символическое значение — уже одно то, что марка гасилось штемпелем с указанием места и времени отправления корреспонденции указывало на территориальное и темпоральное «перемещение» адресанта. Изображение на марке добавляло к такому «перемещению» дополнительные коннотации, а неодинаковая повторяемость самих марок — от массово тиражируемых до редких — наделяла их аурой типографических раритетов. В качестве объекта собирательского интереса, марка рано лишилась утилитарного значения — и характерно, что уже первые коллекционеры всячески подчеркивают то, что отличает их марки от других: смещения цвета, особенности водяных знаков и перфорации, ошибки в надпечатках и т.д. Тогда же появляются и первые подделки таких марок, рассчитанные на коллекционеров, готовых платить за них немалые деньги.²

В 1864 году благодаря этимологической фантазии французского коллекционера Жоржа Эрпена (*Georges Herpin*), получают свое распространение понятия «филателия» и «филателист» (образованные им от греч. φιλῆω 'люблю' и τέλος 'пошлина, знак почтовой оплаты', вытеснившие ранее употреблявшиеся названия «тимбромания», «тимброфилия» и «тимбрология» (от франц. *timbre* — 'марка').³ В те же годы организуются первые общества коллекционеров почтовых марок и создаются первые специализированные филателистические журналы.⁴

Вослед и попутно организации филателистических сообществ в Европе и Америке Россия обретает таковые начиная с 1883 года (первоначально в качестве московской и Санкт-Петербургской секции Дрезденского международного филателистического общества). Спустя пять лет создается Московская организация филателистов (на первом ее собрании 8 сентября 1888 года присутствовало 20 коллекционеров). К концу века кружки и общества филателистов существовали в Риге, Киеве, Гельсингфорсе, Варшаве, Одессе. Три самостоятельных клуба действовали в Петербурге.

---

2 Lewes T. Pemberton E., *Forged Stamps: How to Detect Them; Containing Accurate Descriptions of All Forged Stamps* (Edinburgh: Colston & Son, 1863); R. B. Earée, *Album Weeds; Or, How to Detect Forged Stamps* (London: Stanley Gibbons Limited, 1882).

3 L. N. & M. Williams, *Fundamentals of Philately* (State College: The American Philatelic Society, 1971), p. 20.

4 S. Phillips, *Stamp Collecting: A Guide to Modern Philately* (London: Stanley Gibbons, 1983).

Около 50 русских коллекционеров были членами «Международного союза собирателей земских марок для обмена и покупки», имевшего свои отделения в Петербурге, Москве, Киеве и Варшаве. Важно заметить, что членство в филателистических обществах не было бесплатным и изначально предполагало некоторого рода «элитарность» — черту, которая в том или ином виде характеризовала — и характеризует — филателистические сообщества разных стран, наделяя коллекционирование марок определенным «инициационным» и конспирологическим пафосом.

В 1896 году в Киеве начинает издаваться журнал «Марки» — первый филателистический журнал на русском языке (первые выпуски его были двуязычными — на русском и французском), просуществовавший до 1902 года. За этим изданием последовали другие — в 1897 году в Петербурге начинает выходить журнал «Всемирная почта», очень скоро сделавшийся весьма популярным и потребовавший значительного по тому времени тиража в 800 экземпляров. В 1901 году издается «Первый русский описательный и иллюстрированный каталог почтовых марок с 200 рисунками». В 1910 году было создано Российское общество филателистов. В 1914 году были изданы первые выпуски журналов «Русский филателист» (вышло девять номеров) и «Филателия», доживший до середины 1918 года. С 1916 года начинает издаваться «Российский журнал коллекционеров и собирателей», просуществовавший до июля того же 1918 года. Таково начало институциональной истории российской филателии, которая заслуживает отдельного внимания,⁵ но будет занимать меня далее только в качестве внешней канвы к идеологическим аспектам филателистического коллекционирования в последующей истории России и СССР.

В этой истории есть свои значимые вехи — Первая мировая война, государственный переворот 1917 года, Гражданская война, создание СССР, репрессии 1930-х годов, Отечественная война, эпоха «Оттепели», заморозки 1970-х — начала 1980-х годов и, наконец, экономический и идеологический развал советской системы в середине 1980-х годов. Каждая из этих вех имела свои последствия в истории отечественной филателии, но наиболее важным обстоятельством, поучительно соотносящим ее с историей страны в целом явилась наметившаяся уже в годы первой мировой войны, набирающая силу в послереволюционные годы и достигающая своего пика в эпоху сталинизма идеология и практика государственного и социального изоляционизма.

Дореволюционные российские коллекционеры общаются с коллекционерами других стран, организуют международные филателистические выставки и могут похвалиться тем, что третья по значимости мировая коллекция марок принадлежит российскому подданному (первому секретарю санкт-петербургской секции Дрезденского международ-

---

5 См., напр.: *Глейзер М.М.* История филателии в Петербурге-Петрограде-Ленинграде. Л.: Радио и связь, 1989.

ного филателистического общества) Ф.А. Брейтфусу (1851–1911).⁶ Как и любое коллекционирование, балансирующее между рациональностью и страстью, просвещением и фанатизмом, скаредностью и самоотречением, история филателии при этом уже на первых своих этапах не лишена анекдотических курьезов и эксцессов. Стороннего наблюдателя традиционно удивлял интерес филателиста к деталям марок, которые, казалось бы, не представляют сами по себе никакого значения: случайностям опечаток и надпечаток, особенностям цвета и перфорации, но объявляются решающими в определении их коллекционной ценности. Так, например, из статьи в журнале «Филателия» за 1915 год читатель узнавал о работе, проделанной одним из энтузиастов коллекционирования, который, пересмотрев более ста тысяч семикопеечных марок выпуска 1883 года, гордо сообщал, что «найдя несколько марок со сдвинутым фоном, затем марки без внутренней рамки», он также нашел единственный экземпляр, где после слов «коп(ейка)» напечатана «одна точка вместо двух».⁷ В нескольких номерах того же журнала было напечатано обширное исследование безымянного «старого филателиста» о русских марках первого выпуска, где детальная реконструкция исторических и институциональных обстоятельств их появления дополнялась тщательной экспертизой различия их форм, прорисей печати, оттенков цвета, свойств бумаги и клея, водяных знаков и т.д.⁸ Мелочи, отличающие даже марки одной серии служили придавали им в глазах филателистов особую ценность — но также и большую стоимость.

Литературным анекдотом на тему, как иногда создавались в этих случаях филателистические ценности (отсылающим к действительной афере с почтовыми марками) может служить рассказ И. Ильфа и Е. Петрова — глава, предназначавшаяся для романа «Двенадцать стульев», но изданная отдельно в 1929 году. Из вставной новеллы о дореволюционном прошлом регистратора загса города N Исполита Матвеевича Воробьянинова читатель узнавал о филателистической афере, совершенной бывшим предводителем дворянства, который, как теперь выясняется, был еще и одержимым коллекционером земских марок (выпускавшиеся с 1866 до 1918 года и служившие знаками оплаты почтовой корреспонденции в более чем ста уездах Российской Империи).⁹ В стремлении превзойти

6 “Death of Mr. F. Breitfuss,” *The London Philatelist* 20:237 (1911 September), pp. 234–235; Панькина Е.В. 120 лет филателистической организации Санкт-Петербурга // История Петербурга. 2003. № 6. С. 73–77.

7 Криваксин В. Курьезные семикопеечные марки // Филателия. 1915. Декабрь. № 12 (24). С. 179.

8 Двухцветные почтовые марки России типа первого выпуска. (Из записок старого филателиста) // Филателия. 1915. № 3 (15). С. 35–38, № 4 (16). С. 51–54, № 5 (17). С. 67–68, № 6 (18). С. 83–86.

9 Подробно о таких марках: Гуревич Ю.Е., Полторак О.М., Стребулаев И.А. Каталог марок земских почт России. 1866–1919. М., 2004.

филателиста из Глазго господина Энфильда, уже собравшего полную коллекцию земских марок, Воробьянинов, пользуясь своей должностью, добывается официального выпуска марок Старгородской земской почты в количестве двух экземпляров и включения их в каталог за 1912 год, а затем собственноручно разбивает типографское клише. Узнавший об этом Энфильд, в отчаянии обращается с письмом к Воробьянинову, в котором просит продать ему одну из напечатанных марок, но получает в ответ торжествующее и лаконичное послание с латинским текстом: «накося выкуси».¹⁰

К началу революции около 50 русских коллекционеров состояли членами «Международного союза собирателей земских марок для обмена и покупки», имевшего свои отделения в Петербурге, Москве, Киеве и Варшаве. Среди особо ценных марок считались первые русские пробные марки с головой Меркурия (1856), марка 1869 года Котельнического земства Вятской губернии, однокопеечная марка Алатырской земской управы (известная в трех сохранившихся экземплярах), марки тифлисской городской почтовой марки 1857 года (три таких из шести известных марок входили в коллекцию Агафона Фаберже, сына знаменитого ювелира, обладавшего самой обширной коллекцией русских марок),¹¹ марки Херсонского земства выпуска 1883 года с лиловой надпечаткой вместо синей. Поисками редких земских марок настойчиво занимались знаменитый архитектор и коллекционер К.К. Шмидт (имевший одну из самых больших коллекций русских марок),¹² генерал А.М. Кованько, первый начальник

---

10 Ильф И., Петров Е. Прошлое регистратора ЗАГСа // Ильф И., Петров Е. Собрание сочинений в пяти томах. Том 1. М.: ГИХЛ, 1961. С. 535. По воспоминаниям Е. Петрова, прототипом Воробьянинова послужил его двоюродный дядя — Евгений Петрович Ганько, бывший председатель полтавской уездной земской управы и известный филателист (Петров Е. Из воспоминаний об Ильфе // Воспоминания об Илье Ильфе и Евгении Петрове. М.: Советский писатель, 1963). Старший брат Е.П. Петрова В.П. Катаев в автобиографической книге «Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона» упоминает о нем как уже о старике, владевшем «бесценными коллекциями, из которых одна была единственной — коллекция полтавской земской почты» (Катаев В.П. Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона. М.: Детская литература, 1973. С. 379) Известно, что аферами с марками занимался брат Е.П. Ганько П.П. Ганько, позднее также служивший председателем той же управы. Заказывая ограниченные образцы земских марок с искусственными комбинациями (перевернутая цифра, другой цвет и т.д.), он спекулятивно завышал их коллекционную стоимость. Когда промысел Ганько обнаружился, он был скандально отставлен от должности: Мирзоев Э.П. Ганько как прообраз «отца русской демократии» // <http://zemstvo.com/p-ganko-kak-proobraz-otca-russkoj-demokratii>

11 5 мая 2008 года на филателистическом аукционе в Женеве одна из этих марок была продана за 480 тысяч евро. В 2011 году в Национальном почтовом музее Вашингтона была найдена еще одна (негашеная) марка этого выпуска.

12 Позднее К.К. Шмидт завершил и в 1932 году издал в Германии обширный каталог марок земской почты. См.: С. Schmidt, *Die Postwertzeichen der russischen Landschaftsämter* (Charlottenburg, 1932). В 1933 году всю свою коллекцию русских марок он передал

воздухоплавательного управления русской армии и другие известные коллекционеры.¹³

ФИЛАТЕЛИЯ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

История филателии, какой она предстает в культурно-антропологической перспективе, предстает прежде всего историей людей и сообществ, для которых коллекционирование почтовых марок служит сферой досуга, в котором рациональность опосредована эмоционально и аффективно. Уже академик Павлов, рассуждавший о психологических особенностях коллекционирования в докладе, прочитанном на Третьем съезде экспериментальной педагогики в Петрограде 2 января 1916 года, подчеркивал их нерациональную, но инстинктивную природу:

«беря коллекционерство во всем объеме, нельзя быть не пораженным тем фактом, что со страстью коллекционируются часто совершенно пустые, ничтожные вещи, которые не представляют решительно никакой ценности ни с какой точки зрения, кроме единственной, коллекционерской, как пункт влечения. А рядом с ничтожностью цели, всякий знает ту энергию, то безграничное подчас самопожертвование, с которым коллекционер стремится к своей цели. Сопоставляя все это, необходимо придти к заключению, что это есть темное, нервное, неодолимое влечение, инстинкт или рефлекс»¹⁴

Сказанное Павловым о коллекционировании применительно к филателии звучит особенно убедительно. Чем определяется ценность почтовой марки помимо ее утилитарной, номинальной стоимости? Почему то, что в лучшем случае можно считать почтовым сувениром и микрографическим изображением,¹⁵ оказывается предметом индивидуального и коллективного интереса, наделенного социативным эффектом — служить достаточной силой для объединения людей, собирающих марки, в определенные сообщества, но тем самым — отделять их от тех, кто этого интереса не разделяет.

В истории психоанализа ведущую роль в суждениях о природе коллекционирования заняли немногочисленные высказывания Зигмунда Фрейда на эту тему во «Введении в психоанализ» (1917), не помешавшие, тем не менее, их широкой инструментализации в качестве еще одного указания на силу сублимации и подавленной психосоматики.¹⁶ Вслед

Берлинскому почтовому музею (Katalogmässig / Bearbeitet und mit Schätzungspreisen versehen von C. Schmidt. Berlin: Selbstverlag des Verfassers, 1934)

13 Курбас В.А. Выдающиеся филателисты // Россия. 1960. № 59. С. 42–46.

14 Павлов И.П. Полное собрание трудов. Т. 3. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1949. С. 243.

15 A. J. Séfi, *An Introduction to Advanced Philately* (London: Rowley & Rowley, 1932).

16 W. Muensterberger, *Collecting: An Unruly Passion: Psychological Perspectives* (Princeton: Princeton University Press, 1994).

за Жаном Бодрийяром, рассуждавшим в «Системе вещей» (1968) о коллекционировании как об обладании вещами, *абстрагированными от своей функции* и получающими в этом качестве исключительно субъектную функциональность, перспектива объяснения причин и мотивов филателии, с опорой на Фрейда, заводит в предсказуемые дали. Бодрийяр в этом случае не оригинален, связывая коллекционирование с подавлением сексуального влечения и двумя ранними стадиями психосексуального развития — оральная фазой, характеризующейся фиксацией на приобретении и анальной с доминантной фиксацией на сохранении приобретенного.¹⁷ Из сегодняшнего дня такие объяснения представляются скорее эпатирующими, чем оправданными в их методологической верификации и фальсификации, равно догматическими и необязательно детализуемыми.¹⁸ Между тем, такая детализация интересно разнообразится наблюдениями психологов за специфическими тактиками компенсаторного поведения — в этих случаях коллекционирование обнаруживает функциональную зависимость от типа и характера личности: для шизоида коллекционирование может служить формой социопатии и эскапизма, для истероида, напротив, это способ выделиться, привлечь к себе внимание, для педанта — противоядие энтропии, средство упорядочивания и контроля.¹⁹

Как форма реализации психологического интереса и удовлетворения потребности в собирании вещей определенного типа коллекционирование — выбор, который осложняет представление о рациональном поведении экономических субъектов. Если согласиться с тем, что такое поведение является результатом осознания организационных и институциональных норм, то коллекционирование всего того, что не попадает в сферу уже сложившегося рынка (например — произведений искусства и драгоценностей), вызывает вопросы о роли субъективной убедительности в оценке самих этих норм и институтов. Экономическая мотивация в

17 Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1968, С. 97–111.

18 P. Kline, *Fact and Fantasy in Freudian Theory* (Hove: Routledge, 2014), pp. 98–99ff.

19 См.: E.A. Kehr, *The Romance of Stamp Collecting: Notes From the World of Stamps, Stamp Collecting and Stamp Collectors* (New York: Thomas Y. Crowell, 1947); M. Hallgren, *All About Stamps: Their History and the Art of Collecting Them* (New York: Alfred A. Knopf, 1940); B. R. Mueller, *Common Sense Philately* (Princeton: D. Van Nostrand, 1956); R. Formanek, "Why They Collect: Collectors Reveal Their Motivations," *Journal of Social Behavior and Personality* 6:6 (1991), pp. 275–286; Корепанова И.А., Журкова Е.А. Коллекционирование — феномен культурный и психологический // Культурно-историческая психология. 2007. № 4. С. 32–38; Корепанова И.А., Журкова Е.А. Феномен коллекционирования в школьных возрастах // Психологическая наука и образование. 2007. № 5. С. 168–174; Соколова И.А. Социокультурный аспект частного коллекционирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. «Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения». 2006. № 2. С. 168–171; Василюк К.В., Дмитриева Л.М. Коллекционирование как особенный тип символического потребления // Омский научный вестник. 2013. № 1 (115). С. 217–220.

этих случаях не обязательно является вторичной по отношению к мотивации психологической, но осложняет само представление об их иерархии: если коллекционеры готовы платить за то, что кому-то представляется ерундой, значит они согласны с возможностью инвестиций, трансформирующих представление о природе экономического ценообразования. Неинвестиционное коллекционирование может в этих случаях стать инвестиционным и наоборот.²⁰

Интересно вместе с тем, что объяснение как психологической, так и экономической природы коллекционирования акцентирует во всех этих случаях особенность поведенческой стратегии коллекционера на фоне общепринятой «нормы». Коллекционирование выделяет коллекционеров из неколлекционеров, и чем более «странными» представляются последним предметы коллекционирования, тем более «странным» рисуется облик тех, кому такое коллекционирование свойственно.²¹ Собираение почтовых марок уже не кажется в этом ряду чем-то из ряда вон выходящим, но и назвать его само-собой разумеющимся тоже сложно: зачем коллекционировать вещи, которые, по уже цитировавшимся словам Павлова, «не представляют решительно никакой ценности ни с какой точки зрения, кроме единственной, коллекционерской»?

Говоря проще: марка в коллекции лишена практического предназначения: она не знак оплаты почтовой корреспонденции, но предметный символ семиотической референции и воображаемой реальности. Другое дело, о какой референции и какой реальности может идти речь с учетом обстоятельств, которые так или иначе навязывают любому члену коллектива определенный социальный реализм, то есть такой характер ценностной ориентации, которая обязывает считаться с уже имеющейся системой (обще)принятой аксиологии? Важное наблюдение, которое может при этом быть сделано, это вывод о коллекционировании как занятии, свойственном для переходного возраста: коллекционер, будь он подростком или взрослым человеком, пребывает в ситуации определенной лиминальности — соотнесения и противопоставления разных статусных, ценностных и нормативных значений. Коллекция, с этой точки зрения, всегда указывает на определенный конфликт между тем, что *уже системно* существует и тем, что *может* существовать в качестве его *системной* же альтернативы.

---

20 Сухарев А.Н. Коллекционирование как экономическое явление // Вопросы экономики. 2014. № 29 (605). С. 45–51. См. также: S.M. Gelber, "Free Market Metaphor: The Historical Dynamics of Stamp Collecting," *Comparative Studies in Society and History* 34:4 (1992 October), pp. 742–769.

21 M. Rheims, *The Strange Life of Objects: 35 Centuries of Art Collecting and Collectors* (New York: Atheneum Publications, 1961); P. Grijp, *Passion and Profit: Towards an Anthropology of Collecting* (Berlin: LIT Verlag, 2006).

Репутация дореволюционного коллекционирования в России, насколько об этом можно судить из филателистических журналов, документальной и художественной литературы, воспринимается на фоне общеевропейского увлечения — досуга, который может быть описан, помимо прочего, в терминах антропологии путешествий. Джеймс Клиффорд описывал в свое время формирование новой реальности западной цивилизации через понятие культуры путешествий или путешествующей культуры (*travelling culture*), делающей в конечном счете ставку на гибридный и космополитический опыт саморепрезентации.²² Вероятно, что история подобной трансформации не будет полной в отвлечении как от институциональной истории почты, так и от истории филателии. Почтовая марка — это знак почтовой оплаты, но и то, что указывает на реальное и виртуальное пересечение границ. Это возможность, которая либо реализована — и доказательство этому факту очевидно из штампа гашения почтового отправления, либо нет — тогда негашеная марка «открыта» к домысливанию ее воображаемого маршрута. Показательно, что начальная история филателии связана именно с гашеными марками.

«Чистые знаки оплаты никто не собирал, ведь их можно было купить на почте, а значит пропадал важный элемент — поиск предмета своего увлечения. Некоторые собиратели того времени даже называли себя “охотниками за знаками оплаты”. Действительно: марку следовало “выследить, получить конверт, на котором она наклеена, оторвать, обработать и поместить в альбом»²³

Сегодня (а точнее уже позавчера — с учетом стремительного развития электронных и «безмарочных» средств связи) интерес к гашеным маркам в большей степени свойственен детям и подросткам — то есть тем, кто более непосредственно воспринимает такие марки, как свидетельства совершенного путешествия. Такая коллекция тоже может обрести вполне специализированный вид, но чаще это не более — но и не менее, чем материал, условно говоря, для географической, а не тематической рефлексии. Вероятно, именно так относилась к коллекционированию гашенных марок А.Г. Сниткина, жена Ф. М. Достоевского, которая начала собирать их в 1867 году (первоначально с тем, чтобы доказать своему мужу, что женщина, вопреки его мнению, также способна к систематической и целеустремленной деятельности):

«Я затащила Фёдора Михайловича в первый попавшийся магазин письменных принадлежностей и купила («на свои деньги») дешёвенький альбом для наклеивания марок. Дома я тотчас слепила марки с полученных трёх-четырёх писем из России и тем положила начало коллекции. Наша хозяйка, узнав о моем намерении, порылась между письмами и

22 J. Clifford, *Routes: Travel and Translation in the Late Twentieth Century* (Cambridge: Harvard University Press, 1997), p. 24.

23 Вигилев А. Из истории филателии // *Филателия СССР*. 1979. № 7. С. 53.

дала мне несколько старинных Турн-Таксис и Саксонского Королевства. Так началось мое собирание почтовых марок, и оно продолжается уже сорок девять лет. Конечно, я никогда не делала никаких усилий для их коллекционирования, и в настоящее время у меня [пропуск в рукописи] /.../ штук, из которых некоторые представляют редкости. Могу дать слово, что ни одна из марок не куплена на деньги, а или получена мною на письме или подарена. Эту слабость близкие мои знают, и дочь моя, например, присылает мне письма с марками разной ценности. От времени до времени я хвалилась перед мужем количеством прибавлявшихся марок, и он иногда посмеивался над этой моей слабостью»²⁴

В доме-музее А.П. Чехова в Ялте хранится около 1,5 тысяч собранных им марок, но это также марки, отклеенные им с конвертов и почтовых открыток, большинство из них изобразительно однотипны и различаются лишь проставленными на них почтовыми штемпелями.²⁵ Негашенные, чистые марки имеют дело с другой географией, но и в том и в другом случае семиотика филателистического коллекционирования может быть понята как семиотика трансгрессии — путешествий и экзотики, понимаем ли мы ее в терминах туризма или, например, колониализма (в буквальном смысле — в случае марок колониальных территорий). Перед лицом реальной и воображаемой географии филателист — и географ и историк и социолог и много кто еще.²⁶ Филателистические «путешествия» преодолеваю географические, исторические и культурные границы. Можно сказать, что это протест против любых «территориальных» ограничений сознания и эмоций, выход в сферу вымысла и фантазии. В предельном и при этом предметном выражении образцом таких фантазий могут служить самодельные марки несуществующих стран — произведения в жанре mail-art:

«Такие альтернативные марки создаются не как незаконная замена официальных почтовых эмиссий, но, скорее, создают разновидность параллельного филателистического измерения, в котором доминирует ничем неограниченное творчество и где, казалось бы, невинные маленькие изображения выражают свободное суждение на тему политического порядка и того реального мира, который представлен “официальными” марками»²⁷

24 *Достоевская А.Г.* Воспоминания. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. С. 151.

25 *Скобелев Ю.* Марки Антона Павловича Чехова // *Филателия СССР*. 1991. № 1. С. 8-12;
Скобелев Ю. Чеховский фонд на «Белой даче» в Ялте // *Чеховский вестник*. 1998. № 3;
Октябрьская Р.О. Чехове-филателисте // *Город. Таганрог*, 2000. 29 янв. С. 3. В записных книжках А.П. Чехова есть загадочная фраза: «Молодой человек собрал миллион марок лег на них и застрелился» (Чехов А.П. *Собрание сочинений*. Т. 14. М.: Терра, 2000. С. 14). Сюжет ненаписанного рассказа?

26 Ср.: *Воронин А.Ю.* Филателистическая география. Справочник. М.: Коста, 2013.

27 *J. W. Felter, Artistamps/Francobolli d'artista* (Bertiolo: AAA Edizioni, 2000).

СОВЕТСКАЯ ФИЛАТЕЛИЯ 1920–1930-х ГОДОВ

История советской филателии институционально связывается с реорганизацией почтовой службы и реструктуризацией филателистических сообществ. Кардинальную роль на этом пути сыграло установление государственного контроля за деятельностью филателистов: в 1921 году коллекционный обмен марками с иностранными филателистами и продажа самих марок была монополизированы государством (согласно статье 136 Уголовного кодекса РСФСР нарушение грозило тюремным заключением сроком до шести месяцев). Параллельно были созданы институциональные структуры, контролировавшие филателистическую деятельность в масштабах страны: Организация уполномоченного по филателии и бонам (ОУФБ) и Российское бюро филателии (РБФ). Позднее к ним добавился Филателистический Интернационал (1924), Советская филателистическая ассоциация, Всесоюзное общество филателистов и его региональные отделения. С 1922 по 1932 год издается всесоюзный журнал «Советский филателист» (в 1925 году переименованный в «Советский коллекционер»²⁸).

С 14 декабря 1924 по 1 февраля 1925 года в Москве прошла «Всесоюзная выставка по филателии и бонам», ставшая первой большой филателистической выставкой в СССР. Инициатором этой выставки был Ф.Г. Чучин — возглавлявший ОУФБ с момента ее создания, известный также как коллекционер и знаток земских марок.²⁹ Выставка, проходившая в разгар НЭПа, демонстрировала частные коллекции известных коллекционеров, преимущественной тематикой которых служили собрания марок дореволюционной России и зарубежных стран.³⁰ Однако уже на следующей филателистической выставке, открывшейся в Москве 5 декабря 1932 года в здании Государственного музея изобразительных искусств им А.С. Пушкина состав коллекций был существенно иным и представлены они были не частными лицами, а Народным комиссариатом связи СССР. Сама выставка была при этом официально названа Первой, в честь чего тиражом в 300 тыс экземпляров были отпечатаны две памятные марки художника В. Завьялова с изображением музея, где проходила выставка (номеналами 15 и 35 копеек), а также специальный сувенирный блок из тех же сдвоенных марок — тиражом в 500 экземпляров, которые не предназначались к продаже, а прилагались к приглашениям для почетных

28 Кулаков В. Филателия в Москве: организационное укрепление (1923–1924) // Филателия СССР. 1991. № 2. С. 50–52.

29 Каталог земских почтовых марок / Под ред. Ф.Г. Чучина. М.: Изд-во Уполномоченного по филателии и бонам в СССР, 1925. О двусмысленной роли Чучина в роли «начальника» советских филателистов: Глейзер М.М. Бонистика в Петрограде-Ленинграде-Санкт-Петербурге. СПб., 1998. С. 112–129.

30 Кулаков В. Филателия в Москве: первые итоги — новые задачи (1924–1925 годы) // Филателия. 1992. № 1. С. 48–50.

гостей.³¹ Прошедшие шесть лет изменили страну (свертывание НЭПа, приход Сталина к власти) и экспозицию выставки: взамен старорежимных русских и зарубежных «капиталистических» марок, на выставке преобладали советские знаки почтовой оплаты, ставшие к этому времени одним из важных элементов советской пропаганды.

Попутно с идеологическим и, в конечном счете, административно-пограничным изоляционизмом советского общества марки зарубежных стран постепенно вытесняются из кругозора советского филателиста: странноведческое разнообразие планеты филателистически ограничивается советской географией, при этом, по справедливому наблюдению Евгения Добренко, революционные аллегории первых послереволюционных лет (“Освобожденный пролетарий” — на первой советской марке 1921 года, “Эмблемы рабочего труда”, “Эмблемы крестьянского труда”, “Рабочий”, “Жнец”, “Сеятель”) и промышленные лозунги (“За индустриализацию СССР”, “За досрочное выполнение пятилетки”) вытесняются коммеморативными изображениями (таковы уже марки памяти Ленина 1924 года), тематической доминантой которых становится происходящее в столице и (в гораздо меньшей степени) в Ленинграде: первая очередь Московского метрополитена, первый всесоюзный съезд архитекторов, картины ВСХВ. Выпуск так называемой курортных серий 1938 и 1939 года (“Виды Крыма и Кавказа” и “Курорты СССР”) общей картины не меняет, так как рисует природные и архитектурные ландшафты Ялты, Алупки, Гурзуфа, Сухуми и Кисловодска, скорее, как продолжение московских павильонов ВСХВ, чем как конкретные места отдыха советских трудящихся.³²

Обширная география СССР сохраняет свою периферию только в практике почтовых пересылок. Все, что происходит в мире, так или иначе вращается вокруг страны Советов — будь то история, политика или политическая география, находящая для себя отныне и собственно филатели-

---

31 История этих блоков заслуживает отдельного разговора: кроме 500 экземпляров в дополнение к ним были изданы еще 25 таких же блоков, но с отдельной надпечаткой «Лучшему ударнику Всесоюзного Общества Филателистов» (три из которых были при этом именными). Дополнительные экземпляры были подарены именитым гостям, которых организаторы выставки сочли внесшими свой вклад в развитие советской филателии (одним из них, также с именной надпечаткой, стал начальник секретно-оперативного управления ОГПУ Г.Г. Ягода). В 2008 году один из таких блоков, подаренный председателю Президиума Московского общества филателистов Э.М. Нуркасу, был продан на филателистическом аукционе Cherrystone за 776 250 долларов — самую большую цену, когда-либо заплаченную за советские марки. (<https://nostradamvs.livejournal.com/485166.html> Автор — Тим Скоренко)

32 Добренко Е. Политэкономия соцреализма. М.: НЛО, 2007. С. 465–467. Каталог советский марок с 1918 по 1974 год с тематическим указателем см. на сайте: https://marki-sssr.ru/?page_id=2

листическую изобразительность.³³ Литературной иллюстрацией и вместе с тем образцом надлежащих представлений о почтовом сообщении внутри такой географии стало стихотворение Я.С. Маршака “Почта” (Борису Житкову, 1927). Герой этого стихотворения путешествует по свету, а отправленное ему вслед письмо не может застать его ни по одному из посещенных им мест: из Ростова оно летит в Ленинград, из Ленинграда в Берлин, из Берлина в Лондон, из Лондона в Бразилию, но достигает его наконец, когда тот снова возвращается в Ленинград:

Мой сосед вскочил с постели:
– Вот так чудо в самом деле.
Погляди, письмо за мной
Облетело шар земной,
Мчалось по морю вдогонку,
Понеслось на Амазонку.
Вслед за мной его везли
Поезда и корабли.
По морьям и горным склонам
Добрело оно ко мне.³⁴

Так траектория движения почтовой марки от адресанта к адресату в конечном счете знаменует топонимическое совпадение их изначального местопребывания. В 1929 году по этому стихотворению Маршака Михаил Цехановский создал одноименный мультфильм, который стал первым советским мультфильмом массового проката (он же считается первым звуковым мультфильмом — в 1930 году он был озвучен декламацией Даниила Хармса и музыкой Владимира Дешевова),³⁵ а в 1964 году на экраны страны вышел его авторский ремейк в широкоэкранный формат.

Стихотворение Маршака может считаться своего рода символической иллюстрацией к опыту почтовой переписки советских людей с их потенциальными корреспондентами. Коллекционирование марок переводило такой опыт — как и саму возможность добровольного выезда куда-либо дальше места своей прописки — в преимущественно воображаемый план, но в то же время придавало ему системную функциональность, соотносящую субъекта такой виртуальной переписки с абстракциями виртуальной географии, альтернативно открытой к «новым» путешествиям.

Однако к середине 1930-х годов тучи над советскими филателистами

---

33 Ср.: К. Bogdanov, “The USSR Instead/inside of Europe: Soviet Political Geography in the 1930s–1950s,” *Studies in East European Thought* 62 (2010), pp. 401–412.

34 *Маршак С.* Собрание сочинений. Т. 1. М.: Художественная литература, 1968. С. 93.

35 См. мультфильм на странице сайта ru.wikipedia.org (Почта. Мультфильм. 1929). Также: *Малюкова Г.* Гулливеры до-диснеевской эпохи // Энциклопедия отечественной мультипликации. М.: Алгоритм, 2006. С. 16

сгущаются. В чаду инициированной властями шпиономании, доносов и арестов, организации, поддерживавшие зарубежные связи попадали под подозрение одними из первых. Так было с обществом эсперантистов,³⁶ та же участь постигла Советскую филателистическую ассоциацию и Все-союзное общество филателистов: все его руководители, без исключения (Ф.Г. Чучин, П.И. Буткевич, А.А. Данциг, К.И. Дунин-Барковский, Л.М. Иольсон, Э.М. Нуркас) были репрессированы. Репрессиям подверглись и многие из рядовых филателистов, кто вел обмен марками с заграничными коллекционерами: аресты в этих случаях облегчались тем обстоятельством, что с 1922 по 1938 год такой обмен официально разрешался при условии оплаты специального почтового сбора и регистрации в книгах учета на пунктах приема обменной корреспонденции. После запрета подобной корреспонденции в 1938 году эти записи стали для сотрудников НКВД путеводителем в поиске очередных «врагов народа».³⁷

Джонатан Грант показал, что репрессии, обрушившиеся на советских филателистов, исходили от партийных функционеров среднего звена, предсказуемо усматривавших в коллекционировании почтовых марок, по меньшей мере, труднообъяснимую деятельность. Давние подозрения о том, что коллекционеры занимаются спекуляцией,³⁸ усиливались в этих случаях тем, что приобретение марок и их обмен расценивались извне не только как напоминание о капиталистическом рынке и частном предпринимательстве, но и о запрещенном в СССР приобретении и обмене иностранных валют. Невинное хобби оказывалось в таком контексте не столь невинным, а оправдания самих филателистов в том, что их деятельность идеологически лояльна (среди аргументов в защиту филателии приводились выдержки из писем Энгельса дочери Маркса, которой он помогал собирать марки) и служит общественной пользе — образованию и пропаганде — не слишком убедительными.³⁹ Грант прав, связывая невзгоды советской филателии конца 1930-х годов с усилением тотального контроля над общественными организациями и нагнетанием политической и социальной конспирологии (директивно обоснованной постулатом Сталина об усилении классовой борьбы и внешней угрозы по мере построения в СССР социализма). Вместе с тем важно подчеркнуть то, чего Грант не делает, — знаковую роль в этом контроле таких социальных потребностей и интересов, которые связываются со сферой досуга и труднообъяснимых для власти эмоций. Пропагандистский фон советской повседневности, как это было показано Шейла Фитцпатрик, парадокса-

36 Степанов Н. Как это было. Полный разгром советского эсперанто движения в 1938 году // <http://miresperanto.narod.ru/historio.htm>

37 Сабанцев Ю. Драматическая филателия // Итоги. 2000. № 50 (236). 12 декабря.

38 Филателия и спекуляция // Советский филателист. 1922. № 2. С. 26.

39 J. Grant, "The Socialist Construction of Philately in the Early Soviet Era," *Comparative Studies in Society and History* 37:3 (1995), pp. 483–494.

лен: футурологические утопии в нем сопутствуют коллективизирующим ценностям идеологии, которые по умолчанию подразумеваются всеобщими и «естественными».⁴⁰ Порядок таких ценностей — это ценности нормы, а не исключения, закономерного, а не случайного, постоянного (или даже вечного), а не временного. Собираение же марок подразумевает именно исключительное: объяснимое для ребенка, оно странно для взрослых, выделяющих себя тем самым из всех тех, кому оно не интересно. Декларируемое единство советского общества в этом случае давало сбой, а апелляция к политическому единomyслию не спасала коллекционеров от конспирологических подозрений в их, по меньшей мере, психологической инаковости по отношению к «простым советским людям».

Перед войной все филателистические организации в стране прекращают свою работу. Коллекционирование почтовых марок связывается отныне преимущественно с детским увлечением — да и то, в той мере, в какой оно служит идеологически допустимому (само)образованию. Литературным образцом такого отношения к филателии для советских подростков на долгие годы стала повесть С.А. Могилевской «Марка страны Гонделупы» (1941) о дружбе трех мальчиков-первоклассников, один из которых увлекается собиранием марок.⁴¹ Мама мальчика поощряет увлечение сына, совместное разглядывание коллекции становится при этом уроками исторической и политической географии. Однако в повести есть и негативный персонаж — мальчик из старших классов, тоже занимающийся филателией, но занимающийся ею нечестно и только ради выгоды. Стремясь завладеть марками первоклашки, он идет на подлог — делает из чайной этикетки марку несуществующего «пиратского» острова и обманом выменивает у мальчика «шведскую серию» (эту серию мальчику принес его отец — инженер на заводе, получающий научную корреспонденцию из разных стран мира). Разоблачение обманщика и составляет одну из главных линий сюжета, замечательного в своих обаятельных подробностях — отношения детей и родителей, их искренности и порядочности, доброте и взаимопомощи. Филателия в этом контексте извинительна как занятие, пробуждающее любопытство и воображение, но и требует своего контроля — как зона социального риска, угрожающего превратить детское увлечение во «взрослую» спекуляцию.

---

40 S. Fitzpatrick, *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times* (Oxford: Oxford University Press, 1999).

41 Могилевская С. Марка страны Гонделупы. М.: Детгиздат ЦК ВЛКСМ, 1941. В 1958 году вышло 2-е издание повести. В этом издании история утратила свой национальный (украинский) колорит: украинские имена героев (Петрик, Опанас) были заменены на русские (Петя, Вовка), а экспрессивная лексика была стилистически и лексически унифицирована.

СОВЕТСКАЯ ФИЛАТЕЛИЯ 1950–1980-х ГОДОВ

Ситуация, сложившаяся к концу 1930-х годов с советскими филателистическими институциями, изменилась со смертью Сталина и первыми признаками политической «Оттепели». Идеологической легализации и возрождению филателистических организаций хронологически сопутствует проведение в Москве IV Всемирного фестиваля молодежи и студентов (1957), ставшего значимым событием в ослаблении запретов на зарубежные связи и общение с иностранцами. Атмосфера конца 1950-начала 1960-х годов оправданно вспоминается мемуаристами как открытая к взаимному интернациональному интересу. Симптоматично, что в том же 1957 году в Москве объявляется о создании Московского городского общества коллекционеров, включающего в себя также и филателистов. Позднее создаются региональные сообщества и кружки филателистов, а спустя еще несколько лет — в марте 1966 учреждается Всесоюзное общество филателистов (ВОФ).⁴² В июле того же года года начинает печататься журнал «Филателия СССР», переживший развал СССР (в постперестроечном 1992 году Всесоюзное общество филателистов было преобразовано на учредительной конференции в Смоленске в Союз филателистов России (СФР), а журнал «Филателия СССР» стал называться «Филателия»⁴³).

Официальные доводы в пользу филателистического коллекционирования тиражируют предсказуемые призывы видеть в нем иллюстрацию достижений социалистического строя, успехов народного хозяйства, памятные даты советской культуры и т.д.

«Почтовые марки за годы советской власти превратились в миниатюрные произведения искусства, отражающие события нашей эпохи. Помимо своего основного назначения — быть знаками почтовой оплаты, — почтовые марки выполняют роль пропагандиста и агитатора»⁴⁴

Тематика советских марок 1950–1970-х годов разнообразится изобразительными сюжетами, но в главном верна пропагандистской культуре: подавляющее количество марок этих лет посвящены В.И. Ленину, Карлу Марксу и Фридриху Энгельсу, деятелям коммунистической партии и государства,⁴⁵

42 Краткие сведения о деятельности Всесоюзного общества филателистов. М.: Связь, 1974; Горбатко В. 25 лет Союзу филателистов СССР // Филателия СССР. 1991. № 3. С. 4–9.

43 Сашенков Е. Держимся на плаву. Пока....К 35-летию Союза филателистов // Независимая Газета. Коллекция. 2001. № 5 (54). 4 мая.

44 Сто лет русской почтовой марки. 1858–1958. М.: Связьиздат, 1958. С. 7–8. Ср.: С. Stoetzer, *Postage Stamps as Propaganda* (Washington, D. C.: Public Affairs Press, 1953).

45 Замечу попутно, что, вопреки заявлению исполнительного директора и вице-президента Союза филателистов России В.В. Синегубова, о том, что «советская почта не выпустила при жизни вождя ни одной марки с его портретом» (Саргина Н. Тайна почтовой марки // Труд. № 101, 17.06.2002), Сталин изображен на 15 прижизненных марках и 4-х марочном блоке 1949 года «К 70-летию со дня рождения Иосифа Виссарионовича

героям революции 1917 года,⁴⁶ Гражданской и Великой отечественной войны,⁴⁷ Съездам КПСС, победам Красной армии, достижениям советской промышленности, сельского хозяйства и науки, хрестоматийным авторам русской и советской культуры, дружбе советских народов, сотрудничеству с социалистическими странами экономической взаимопомощи (СЭВ), успехам советского спорта,⁴⁸ освоению Арктики и Антарктики. После 1961 года появляется значительное количество марок, посвященных советской космонавтике.⁴⁹ Несравнимо меньшее внимание в истории советских марок уделено фауне и флоре, а также событиям, связанным с мировой культурой — хотя есть и они: памятные марки, с изображениями Уильяма Гарвея, Генри Филдинга, Карла Линнея, Ци Бай-ши, Генри Лонгфелло, Уильяма Блейка, Карла Гольдони, Николая Коперника, Хафиза Ширази и др. В последнем случае интересно то, что на фоне преимущественно советской истории вся остальная история предстает историей далекого прошлого.

В юбилейном номере журнала «Филателия СССР» за 1976 год редакция формулировала его политическую и педагогическую задачу:

«пропагандировать филателистические документы, связанные с политическими и культурными событиями в жизни нашей страны; информировать читателей о деятельности Всесоюзного общества филателистов и почтовой службы Министерства связи СССР; широко освещать жизнь отделений ВОФ, его клубов и кружков; рассказывать о филателистических выставках; писать о развитии филателии, её больших возможностях в воспитании людей, организации их активного и полноценного досуга; способствовать улучшению научно-исследовательской работы членов Общества, творческому росту коллекционеров; содействовать укреплению связей советских филателистов с их коллегами за рубежом, в первую очередь с коллекционерами социалистических стран»⁵⁰

У советской филателии есть и свои знаковые герои — коллекционеры, на кого стоит равняться простому собирателю почтовых марок: так, первым председателем ВОФ был герой Советского Союза Э.Т. Кренкель, с 1977 года общество возглавил летчик-космонавт Герой Советского Союза Л.С. Демин. Было известно, что почтовые марки собирает композитор Д. Кабалевский, народный артист СССР М. Жаров, чемпион мира по

Сталина», изданном тиражом 1 млн. экз. В 1954–1955 годах было выпущено еще пять марок с изображением Сталина (последний раз в 1955 году на марке художника Е. Гундобина «Власть Советам — мир народам» по картине Д. Налбандяна и др. (1950)).

46 Аренин Э. Октябрь в марках. М.: Союзпечать, 1967.

47 Малов Ю.Г. Летопись Великой Отечественной Войны в филателии. М.: Радио и связь, 1985.

48 Левин М.Е. Филателистическая летопись советского спорта. М.: Связь, 1979.

49 Космическая филателия. Каталог-справочник. / Сост. Я.Б. Гуревич, В.И. Щербаков. М.: Связь, 1979. См. также: Бухаров О.Н. Марки свидетели истории. М.: Радио, 1982.

50 «Филателии СССР» 10 лет // Филателия СССР. 1976. № 7. С. 1.

шахматам Анатолий Карпов. Борис Кисин в книжке «Страна Филателия» интерпретировал изображение коллекционера марок на картине итальянского художника Григория Шилтгыяна (эта картина была воспроизведена на почтовой марке Кубы 1968 года), чтобы объяснить, каким не должен быть настоящий советский филателист:

«Как же изобразил художник филателиста? Неубранная, захламлённая комната. Старое, рваное кресло. Усталые руки, потухший взор. В жизни осталась одна привязанность — марки, и больше ничего.

Как много их таких филателистов, в капиталистическом мире! Нам чужды цели их собирательства. Марки не средство ухода от мира, а помощь в его познании.

Мы собираем марки не для того, чтобы укрыться от жизни, а чтобы жить более полно, более радостно, с большей пользой для себя и для других»⁵¹

Но каким был рядовой советский филателист этих лет и что он собирал? В отсутствии массовой статистики трудно судить и о доминирующих тематических предпочтениях тех, кто относился к коллекционированию марок как к специализированно филателистическому занятию. Но по своим личным наблюдениям — тогдашнего подростка, еженедельно посещавшего в 1977–1979 году встречи филателистов в ДК имени Володарского (Санкт-Петербург, наб. Мойки, 66 / пер. Антоненко, 2) могу утверждать, что из собиравшихся там 80–150-ти коллекционеров подавляющее большинство собирало марки, тематически оппонировавшие идеологическим рекомендациям журнала «Филателия СССР». Более того, всё, что этим рекомендациям соответствовало, как раз-таки не попадало в орбиту коллективного спроса и предложения: кто-то собирал фауну, кто-то флору, кто-то немецкие марки эпохи нацизма, кто-то марки с портретами Наполеона и Жозефины. Сам я собирал металлографические марки британских колоний с кораблями, пиратами и морскими млекопитающими (позднее, забросив эту тематику, я переключился на марки антарктических территорий и марки, посвященные борьбе с наркоманией).

Надо сказать, что в возрастном отношении круг моих знакомых коллекционеров был за 50 лет, в основном же это были мужчины еще более пожилого возраста. Очень редкими посетителями тех же встреч были женщины и тоже в возрасте: один-два человека — не более. Так что, как я сегодня понимаю, начало тем коллекциям, которые я видел, было положено как раз в те годы, когда тому способствовала общая атмосфера идеологической либерализации конца 1950-х — начала 1960-х годов. Тематический разброс знакомых мне коллекций обнаруживал в этом отношении определенную фронду к текущей рутине советской пропаганды: нюансы исторического прошлого, как и аполитичная экзотика флоры и фауны, несомненно, разнообразили общепринятую информацию о мире. А при некотором интересе к политике и истории почтовые марки обнаружива-

---

51 Кисин Б.М. Страна Филателия. С. 51–52.

ли в этой информации еще и разные занятные подробности, нарушавшие идеологическую гармонию власти: так, например, выяснилось, что в «Иллюстрированном альбоме марок СССР» за 1951 год изъяты марки из большой этнографической серии 1933 года, изображавшей национальности СССР, посвященные чеченцам, евреям и крымским татарам. В том же каталоге отсутствовала военная марка 1945 года с флагами союзников антигитлеровской коалиции («Да здравствует победа англо-советско-американского боевого союза!»). Незапланированные журналом «Филателия СССР» вопросы вызывали испанские марки 1956 года с надписью «Для детей Венгрии», израильская марка 1972 года с надписью на русском «Отпусти народ мой» (у бонистов аналогичные вопросы вызывала банкнота в 10 тысяч (после деноминации 10) шекелей с той же библейской фразой и изображением Голды Меир, выходящей из московской синагоги) и т.д.⁵²

Протестные или диссидентские коннотации, содержательно соотносящиеся с теми или иными коллекциями, представляются в этих случаях важными. Но более важным мотивом филателистического коллекционирования *служил персональный характер последнего: выбор тематики мотивировался коллекционером единолично, а не навязывался извне.*

В глазах нефилателистического окружения филателисты привычно рисуются сектантами и эскапистами, демонстрирующими свою непреодоленную инфантильность — достаточно проявляющуюся в конфликте или, по меньшей мере, несовпадении, с одной стороны, «само собой разумеющихся» (и потому общеобязательных) социальных прав и обязанностей, а с другой — системы ценностей, выделяющей филателистов в обособленное социальное и эмоциональное сообщество. Иногда все эти мотивы дополняют друг друга. Так, например, в лирической кинокомедии «Карьера Димы Горина» (1961, реж. Ф. Давлятян и Л. Мирский) главный герой в исполнении Александра Демьяненко (в образе которого уже в этом фильме вполне наметилось амплуа будущего Шурика из комедий Л.И. Гайдая) — работает заместителем заведующего в сберегательной кассе и готовится занять место своего начальника, уходящего на пенсию. Помимо того, что он очкарик и излишне аккуратен, зритель узнает, что он еще и не комсомолец, а также филателист, причем коллекционирует он сплошь иностранные марки. Так проходят его вечера, которые однажды нарушаются знакомством с приехавшим с большой сибирской стройки молодым бригадиром. Этому строителю по недосмотру кассир вручает слишком большую сумму зарплаты и потому он должен ехать за ним на стройку, чтобы вернуть разницу обратно в кассу. Свою задачу наш герой выполняет, но познакомившись в тайге с бригадой и встретив там же девушку своей мечты будущий Шурик просится взять его в бригаду в качестве простого строителя. Трудности и тяготы, свалившиеся на несостоявшегося финансиста, в конечном счете вознаграждаются пра-

---

52 Ронен О. Марки // Звезда. 2008. № 3 - <http://magazines.russ.ru/zvezda/2008/3/ro18.html>

вильным образом: на смену сберкассе и зарубежным маркам наступает настоящая жизнь — стройка в лесу, ответная любовь энергичной монтажницы и, наконец, вступление в комсомол под сенью только что построенной линии электропередач.

Подозрение в том, что филателисты занимаются делом, плохо или совсем не вписывающимся в жизнь простых советских людей, всецело определило сюжет и пафос повести Владимира Саксонова и Вячеслава Стерина «Меркурий в петлице», опубликованной в 1962 году на страницах журнала «Вокруг света» (печатавшегося тиражом около 2 млн. экз).⁵³ Здесь молодой работник таможни, Сергей Ястребов, стоящий на страже государственных интересов в порту города Рига, изобличает спекулянтов, занимающихся нелегальным сбытом марок за границу. По ходу рассказа такими спекулянтами оказываются забулдыга-матрос из ФРГ, укравший коллекцию своего сослуживца и два советских гражданина с нерусскими фамилиями Куралюн и Рыбник — первый из которых отвратителен для авторов тем, что на вырученные деньги получает заграничные посылки с нейлоновыми шубами и цветными носками (да еще небескорыстно обещает подарить своей приятельнице модные туфли на высоком каблуке), а второй, выдающий себя за солидного коллекционера, тем, что в годы войны работал почтовым чиновником у фашистов и по случаю стал обладателем крупной партии немецких марок с окупационной надпечаткой «Курлянд», которые теперь он выменивает у иностранных филателистов на новые иностранные марки с целью их перепродажи. Интерес к филателии обнаруживает при этом таимые в нем опасности и искушения, сопоставимые с нелегальными валютными операциями и переправкой советских рублей за рубеж (описание таких операций особенно захватывает авторов: проникательные таможенники извлекают крупные купюры из шахматной доски, кубиков для игры в нарды и прочих хитроумных тайников). Кульминационным итогом повести, помимо разоблачения и осуждения спекулянтов от филателии, здесь же становится отказ юноши-подростка от приобретенной у спекулянта краденной марки, подсказывающий читателю тот нехитрый вывод, что «марки — та же валюта» и «грязные руки /.../ из всего стараются извлечь прибыль, даже из романтического увлечения». Да и вообще подлинная романтика — это труд таможенников, это они «причастны к жизни портов, кораблей, а значит — и к романтике дальних странствий. Они шагают по трапам, которые соединяли борт корабля со многими землями, под их ногами — палубы,

---

53 Комарова Е.В. Журнал «Вокруг света»: история и функционирование на современном этапе. Дисс. на соискание учен. степени канд. филологич. наук. Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2014. С. 60.

на которые обрушивались волны разных океанов» и это «их долг — охранять от грязных рук все, что светло и чисто».⁵⁴

Еще одной киноиллюстрацией, в которой филателия предстает как пример деятельности, отгораживающей филателистов от «нормальных» людей социалистического мира стал дебютный фильм Георгия Калатоцишвили «Смерть филателиста» (1969, Грузия-фильм). Попутно детективному сюжету, закрученному вокруг случайного самоубийства коллекционера, обманным путем принуждаемого (но отказывающегося) продать хранящуюся у него редкость — первую марку «французской революции» (вероятно, марку 1849 года с изображением богини плодородия Цереры, которую часто, но ошибочно называют изображением Свободы, номиналом 1 франк цвета киновари)⁵⁵ — иностранному вояжеру, торговцу марками, перед зрителем предстал замкнутый и самодостаточный круг странных людей, для которых, по выражению одного из персонажей фильма, «ни в каком кино марки не нужны» (сын убитого коллекционера в раздражении и горечи говорит об отце: «Он кроме своих марок ничего знать не хочет», «Я с удовольствием продал бы все эти бумажки»).

К концу 1980-х годов, по ходу старения советского режима, нарастающего лицемерия и цинизма во взаимоотношениях власти и общества коллекционирование марок уже едва ли не безоговорочно окрашивается связью со спекуляцией. Относительное послабление в общении советских граждан с иностранцами в эти годы разнообразит филателистический рынок, но и придает ему приметы противоправного бизнеса. Отношение к филателистам в эти годы меняется — в том числе и со стороны правоохранительных служб: в них охотно усматривают спекулянтов, прикрывающих свои меркантильные интересы циничными аргументами о познавательной пользе филателии. Представление об ино-системности, маргинальности филателии, как сфере социальной занятости в этих случаях обретает свой общепонятный смысл — другое дело, что смысл этот диктуется из системы власти, которая противостоит непонятной для нее системе вещей. Одну из иллюстраций к этому представлению можно считать знаковой и характеризующей новое отношение к тем, кого теперь уже вполне ругательно можно назвать филателистом во всех соотносимых с ним семантических контекстах — диссидентства, спекуляции, бессмыслицы и инфантилизма. Это художественный фильм «Беспредел» (1989), снятый реж. Игорем Гостевым по сценарию Леонида Никитского (ранее одноименный очерк Никитинского был опубликован в исключительно популярном тогда журнале «Огонёк»).

54 Саксонов В., Стерин В. Меркурий в петлице // Вокруг света. 1962. № 10–12. Цит. по: https://www.e-reading.club/bookreader.php/1041725/Saksonov_-_Merkuriy_v_petlice.html

55 Старков Г. Что мы собираем? // Филателия. 1915. № 6 (18). С. 86–87. См. также: Юринов Б. Марка меняет цвет (парад раритетов) // Филателия. 1994. № 2. С. 58.

По сюжету фильма, рассказывающему зрителю о повседневной жизни заключенных в колонии общего режима, центральным персонажем киноповествования выступает Виктор Мошков (в исполнении Антона Андросова), приговоренный к одному году заключения за спекуляцию почтовыми марками и потому получивший прозвище «Филателист». Филателист уже почти отбыл свой срок и должен скоро выйти на свободу, но с трудом выдерживает те порядки, которые насаждаются в колонии, с одной стороны, руководством колонии, а с другой «ворами в законе», которые находятся с ним в сговоре. Насилие по отношению к простым заключенным и «липовые» табеля, которые они должны отрабатывать за неработающих блатных — «черных» и «шестерок» — подвигает Филателиста рассказывать заключенным о рабах и восстаниях и призывать их к коллективной борьбе с существующими в колонии порядками. Об этих призывах узнает начальник оперчасти майор Маркелов по кличке «Кум» (его играет Лев Дуров) и, не сумев склонить его на свою сторону, подставляет его «черным», чтобы те его опустили. Один из блатных это делает. После изнасилования Филателиста находят повесившимся. Но к этому времени есть группа заключенных, которые уже успели сплотиться вокруг него: один из них, Калган (актер Андрей Ташков), прилюдно убивает бандита, надругавшегося над Филателистом, а другие заключенные поднимают бунт в колонии. Бунт в конечном счете жестоко подавляется, Калгана отправляют по этапу. Финал фильма далек от хэппи-энда, но просвет в нем для зрителя остается: единственный из охраны колонии, кто симпатизирует Калгану, старший лейтенант Касимов, призывает того держаться. Калган его слышит и вместо ответа поднимает руку, в которой он сжимает очки Филателиста.

При всей сюжетной мотивировке киногероя, характерно названного Филателистом, в этом образе есть черта, позволяющая думать о ней, как о доминантной в представлении о сосуществовании систем власти и альтернативных к ней систем вещей, а значит и социальных отношений внутри таковых. Филателисты, как указывал Бодрийяр, обладают или владеют тем, что выпадает из обихода надлежащего использования и знания о таковом. Подобное неиспользование отсылает, согласно ему же, к абстракциям, системность которых субъектна, но поэтому же, повторюсь от себя, с трудом осознается извне — если осознается вообще.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ ФИЛАТЕЛИИ КАК ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ?

Советский идеологический и политический проект, каким он описывается в исторической литературе, радикален и масштабен.⁵⁶ Многие, что

---

56 G. Hosking, *The First Socialist Society: A History of the Soviet Union from Within* (Cambridge: Harvard University Press, 1985); R. V. Daniels, ed., *The Stalin Revolution: Foundations of the Totalitarian Era* (Lexington: Heath and Company, 1990).

происходило в СССР начиная с 1917 года вплоть до эпохи перестройки, привычно объясняется главной особенностью этого проекта — ломкой предшествующего социального порядка и агрессивным насаждением ценностей, противоречащих традиции «буржуазного» мировосприятия. Репутация филателистического коллекционирования, при всех возможных оправдательных аргументах в его образовательной и пропагандистской пользе, кажется в этом случае предрешенной — это деятельность, которая мало вяжется с коллективизирующими ценностями советской идеологической культуры — приоритетами государственного над частным, общеобязательного над произвольным. Послереволюционные послабления эпохи НЭПа и времени «Оттепели» привносят в эту репутацию настроения компромисса: власть мирится с тем, что уже существовало и так или иначе существует в качестве мотивации не всеобщего, но социально обособленного досуга. В стремлении контролировать такой досуг сталинский режим достигает апогея: единство советского общества гарантируется устранением всего того, что ставит это единство под вопрос — а это все то, что представляется маргинальным и «не само собой разумеющимся» на фоне декларируемого порядка общих ценностей идеологии и культуры. Репрессии против советских коллекционеров (не только филателистов, но и бонистов, филокартистов и представителей других «собираТЕЛЬских» пристрастий) неслучайно сопутствуют репрессиям против многоликих маргиналов в пространстве воображаемо гомогенной советской культуры — от упомянутых выше эсперантистов до гомосексуалистов (закон об уголовном преследовании которых принимается в 1934 году). История советской филателии достаточно объясняется этими обстоятельствами, но может, как я думаю, именно в этом качестве служить материалом для размышлений о социальном характере таких форм времяпрепровождения, которые так или иначе конфликтуют с системами общепринятых социальных и психологических ценностей. С этой точки зрения, исторический опыт СССР интересен не своей исключительностью, но его выразительной иллюстративностью как пример взаимоотношения власти и общества с такими субъектами идеологического контроля, кто этому контролю *вольню или невольню* не поддается.